

УДК 82.09(470):37.016
ББК 74.261.8
А-93

Аутлева Фатима Аминовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного факультета международного образования Майкопского государственного технологического университета, тел.: 89604361081.

**ЖИЗНЬ ПУШКИНСКОГО «ПАМЯТНИКА» ВО ВРЕМЕНИ НА УРОКАХ
ЛИТЕРАТУРЫ С ИНОСТРАННЫМИ УЧАЩИМИСЯ НА ПРОДВИНУТОМ
ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ**
(рецензирована)

Одним из главных условий обеспечения эффекта преподавания русского языка как иностранного является наличие богатого дидактического материала на уроке. Преподаватели-словесники всегда осознают насколько важно иметь под рукой хорошие тексты, отражающие реальную действительность, «насыщенные» актуальными языковыми единицами, языковой материал на уроке, если он подобран удачно содействует повышению познавательного интереса учащихся воспитанию у них морально-этических качеств, а значит, развитию мышления, формированию интеллекта. Студенты-иностранцы проявляют интерес к русской литературе XIX века, к творчеству А.С. Пушкина. Одним из таких произведений является стихотворение «Я памятник себе воздвиг...», которое рассматривается во времени и прослеживаются традиции, к которым оно примыкает.

Ключевые слова: студенты-иностранцы, художественная литература, время, традиция, письменность, бессмертие души, государство, народ, посмертная слава, судьба, железный век, бессмертие поэзии, «каменноостровской цикл».

Autleva Fatima Aminovna, Cand. of Philology, senior lecturer of the chair of Russian as a foreign language, faculty of international education, Maikop State Technological University, phone: 89604361081.

**LIFE OF PUSHKIN'S 'MONUMENT' AT LITERATURE LESSONS FOR FOREIGN
STUDENTS AT AN ADVANCED LEVEL**

One of the main criteria of the effectiveness of teaching Russian as a foreign language is the presence of rich teaching materials in class. Language teachers are always aware of importance of having at hand good texts that reflect reality, that are enriched with relevant linguistic units and language material in the classroom picked up successfully and promoting the cognitive interest of students, improving their moral qualities, and hence the development of thinking, the formation of intellect. Foreign students show interest in Russian literature of the XIX century in general and to the works of A. S. Pushkin particularly. One of such works is the poem "I erected a monument to myself ...", which is considered in time and traces the tradition to which it adjoins.

Keywords: foreign students, fiction, time, tradition, writing, immortality of the soul, the state, nation, posthumous fame, fate, Iron Age, the immortality of poetry, 'Kamennostrovsky' cycle.

Развитие у студентов-иностранцев интереса к русской художественной литературе является важным моментом на период их обучения в России. Практически любому преподавателю приходилось сталкиваться с результатами превращения художественного текста в материал для обучения языку. Студенты-иностранцы проявляют активный

интерес к творчеству А.С. Пушкина. Обратимся к пушкинскому стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Традиция, к которой примыкает пушкинское стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», глубоко уходит в историю мировой культуры. Но, очевидно, что диалог с традицией явно входил в замысел поэта и именно через него Пушкин стремился осуществить свой замысел.

Традиционный смысл, если можно так выразиться, пушкинского стихотворения, конечно же, опирается на представления более древние и развивает идеи более общие.

Русский вариант прославления письменности предложил И.А. Бунин в начале «Жизни Арсенева»: «Вещи и дела аще не написании бывают, тьмою покрываются и гробу беспамятства придаются, написании же яко одушевлении...». Как недавно установлено, Бунинская стилизация основана на поморских рукописных текстах Ивана Филлипова (начало XVIII века).

Разумеется, эта традиция, насчитывающая три с лишним тысячелетия, далеко не сводится к приведенным примерам. Здесь важно подчеркнуть ее общий положительный пафос преодоления времени. Причем самым действенным орудием для преодоления объявляется письменность. С самого же начала определяется и особый характер именно этой традиции, отличающих ее от других, более материальных (пирамид и т.д.): речь идет о чем-то гораздо более духовном, но воплощаемом в слове («написанное... возводит... в сердцах...»), «написании же яко одушевлении».

Следует, вероятно, добавить, что эта традиция так же наглядно фиксирует общий ход мирового развития и лишней раз и лишней раз ведет к осознанию риторической природы литературного творчества вообще (вплоть до самого рубежа XVIII – XIX веков), когда между человеком и миром стояло слово.

Но обратимся к пушкинскому стихотворению – «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», точнее к тем его строкам, в которых поэт излагает условие своей посмертной славы;

*И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.*

Пушкин в лицейские годы писал, что «бессмертию души» предпочел бы «бессмертие своих творений» (В альбом Илличевскому, 1817г.).

Выходит, что Пушкин мог предположить наступление времени, когда «в подлунном мире» останется живым только *один* пиит? Говоря другими словами, персонифицируя условие своей посмертной славы, сравнительно с Горацием и Державиным (те оперировали более общими и исторически более устойчивыми понятиями: государство. народ), Пушкин как бы устанавливает зависимость своей посмертной славы от судьбы этого последнего поэта.

*Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила...*

Однако свобода не принесла Греции возрождения поэзии;

*Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!*

Человечество вступило в железный век (эту тему, к слову сказать, начал развивать в стихотворении «К Лире» в 1794 году и Державин, пеняя «человекам» за стремление «к злату, к серебру в ущерб красотам доброгласья») и неуклонно движется по пути прогресса с его идеалами «насушного и полезного». Расцвет наук и торговли беспорен, но в это мире неизбежно угасает поэзия, так как «не о ней хлопочут поколения, промышленным заботам преданы».

Пушкин безусловно не был чужд подобной тревоги за судьбу поэзии перед лицом научно-технического прогресса (так же как и другие русские поэты-современники, например, Федор Глинка и его «Двумя дорогами»), но в его ближайшем окружении 1830-х

годов был достаточно распространен и другой (если угодно, с прямо противоположным знаком) взгляд на судьбу искусства, литературы, поэзии в будущем.

Скрытая парадоксальность «горацианско – державинской идеи бессмертия поэзии», когда поэт заявляет, что, с одной стороны, его творческие заслуги выше пирамид (символа государственных заслуг), а с другой – ставит свою посмертную славу в прямую от судьбы того же государства (Гораций) или народа (Державин), как будто снимется Пушкиным.

Сквозной сюжет «каменноостровского цикла», как пишет В.Л. Старк, связан с пушкинским осмыслением событий Страстной недели Великого поста, мы считаем именно стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» пушкинским произведением на тему «Воскресения». И именно взгляд с самой высокой точки зрения на значение поэзии, посмертную поэтическую славу и т. д. определил глубинный смысл этого произведения.

«О, праведный боже, «Памятник» заканчивается цитатой из альбома Онегина ...» - воскликнул Л.В. Пумпянский, совершив свое открытие . И было чему изумиться , ведь одна из записей «Альбома Онегина», не вошедшего в печатный текст романа, сообщала следующее:

*В Коране много мыслей здравых,
Вот, например: пред каждым сном
Молись, беги путей лукавых,
Чти Бога и не спорь с глупцом.*

При очевидной близости этой строфы и последних строк «Памятника» (об их смысле Пумпянский писал: «А в отдаленном будущем неизвестные, но провидимые судьбы бессмертия – чрез смирение покорившейся Музы») остается все таки некоторое недоумение. Оно вызвано прежде всего тем, что «Альбом Онегина», вероятно, мистифицирует источник «мысли здравой». В переводе Корана М. Веревкина, которым (так же как и французским переводом М. Савари) поэт, как известно, пользовался в работе над «Подражанием Корану» о подобном содержании вечерней молитвы мусульманина ничего не говорится. Правда, общее настроение этой молитвы (как и «Памятника») вполне созвучно, скажем, такому указанию: «Твори, яже повелено тебе есть, повелевай пристойное человеком, удаляйся от невежд...». Хотя, конечно, при всей близости значения слов «глупец» и «невежда» они означают несколько разные понятия. Гораздо определеннее связь пушкинского «глупца» с христианской традицией.

Литература:

1. Алексеев М.П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» / М.П. Алексеев. – Л., 1967.
2. История несмирной литературы.- М.,1983. – С. 78.
3. Кашталева К. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник / К. Кашталева. – Л., 1971.
4. Краваль Л.А. О значении для других пушкинских произведений православного календаря / Краваль Л.А .
5. Лебедева Э.С. Пушкин и даты церковного календаря / Э.С. Лебедева. – СПб., 1991.
6. Лирика Древнего Египта. – М., 1965. – С. 56.
7. Небольсин С.А. Традиция «Памятника» между Древним и Дальним Востоком // Пушкин и европейская традиция. -М.: Наследие, 1999.
8. Непомнящий Н.С. Поэзия и судьба: статьи о Пушкине / Н.С. Непомнящий. - М., 1983. – С. 25.
9. Пумпянский Л.В. Об оде А. Пушкина «Памятник» / Л.В. Пумпянский // Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – С. 209.
10. Розанов В.В. О Пушкине / В.В. Розанов. – М., 2000.- С. 367.
11. Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. – Л., 1987. – С. 299-302.
12. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика / В.С. Соловьев. – М., 1991. – С. 666.